

ФОРМИРОВАНИЕ И РОЛЬ РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

В 1919-1925г.г.

Ефимова Н.П. – аспирантка, Суверов В.М. – к.и.н., профессор
Алтайский государственный технический университет (г.Барнаул)

С победой Великой Октябрьской социалистической революции Советское государство было поставлено перед необходимостью создания кадров собственной интеллигенции. Пришедший к власти пролетариат, ставший господствующим классом, не мог обходиться без своей интеллигенции. Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила в осуществлении грандиозных задач, выдвинутых Октябрьской революцией, должна была решить и эту проблему.

Чтобы практически организовать управление страной и осуществить построение нового социалистического общества, требовались многочисленные кадры пролетарской интеллигенции. По сравнению с существовавшими ранее господствующими классами в отношении кадров интеллигенции пролетариат находился в невыгодном положении. Он не мог воспитать для себя специалистов в недрах старого строя, не имел возможности обучать своих детей знаниям и навыкам, необходимым для управления.

Рабочему классу предстояло на развалинах старого буржуазного государственного аппарата, осуществляя диктатуру пролетариата, воспитать собственную интеллигенцию, способную овладеть искусством управления, создать новую социалистическую культуру.

С приходом к власти пролетариата, на первый план выдвинулась задача создания новой интеллигенции из представителей рабочего класса и трудящегося крестьянства, связанных общностью классовых интересов. Новый государственный строй открывал возможность ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом, пути всестороннего развития всех членов общества.

Для практического разрешения задач социалистического строительства пролетариат привлек к работе старую буржуазную интеллигенцию. Для построения социализма необходимо было переключить эту интеллигенцию на служение рабочему классу — использовать ее опыт и знания. Передовая часть интеллигенции сразу же примкнула к рабочему классу. Часть оказалась в лагере врагов Советской власти и саботировала все ее решения. Значительная часть долго колебалась. Поэтому, привлекая буржуазных специалистов к работе в государственных учреждениях, пролетариат вынужден был поставить их работу под строгий коммунистический контроль. Партия считала необходимым перевоспитать их и была твердо уверена, что основная масса старой интеллигенции вольется в ряды строителей социализма. Так, в 1914 г. во всей царской России насчитывалось только 112 тыс. человек с высшим образованием¹. Для построения социализма необходимо было создать новую, массовую пролетарскую интеллигенцию из представителей рабочего класса и трудящегося крестьянства, беспредельно преданную Коммунистической партии и Советскому государству.

Решение поставленной задачи было сопряжено с огромными трудностями. Коммунистическая партия указывала, что потребуются многие месяцы и годы, прежде чем победивший рабочий класс освоится с новым положением и наладит необходимую работу по подготовке своей интеллигенции. Как ни сложна была задача, как ни велики были трудности, Коммунистическая партия упорно и последовательно шла к достижению этой цели.

С первых дней установления Советской власти партия и правительство уделили особое внимание высшей школе. До Великой Октябрьской социалистической революции высшая школа была орудием классового господства буржуазии. Она вся была проникнута кастовым буржуазным духом. Главной ее целью было дать капиталистам специалистов, которые были бы послушным орудием в руках эксплуататоров и служили бы порабощению трудящихся.

Большая потребность в кадрах квалифицированных специалистов и общий рост культурного уровня населения страны вызвали большую тягу трудящихся к учебе на рабфаках. Основными типами рабфаков были дневной и вечерний. В целях приспособить рабфаки к различным условиям труда рабочих были сделаны также попытки создать посменные и заочные рабфаки.

Советское правительство стремилось привлечь на рабфаки квалифицированных рабочих как наиболее ценные кадры для воспитания будущего командного состава народного хозяйства. Острая нужда промышленности в рабочих высокой квалификации и их решающая роль в социалистическом строительстве в годы реконструкции обусловили то обстоятельство, что их не всегда легко было отвлечь на время учебы от производства и они сами охотнее поступали на вечерние рабфаки.

В годы бурного развития социалистической промышленности целый ряд фабрик и заводов стал переходить на работу в две-три смены, в результате рабочие лишались возможности учиться на рабфаке. Особенно это касалось работников текстильной, металлической, кожевенной промышленности, которые в первую очередь были переведены на посменную работу.

Таким образом, рабочие факультеты были временной школой, специфическими классовыми учебными заведениями, характерными для переходного периода от капитализма к социализму. Они были вызваны к жизни исторической необходимостью создать для Советского государства народную интеллигенцию. За годы своего существования рабочие факультеты выпустили в высшую школу около миллиона подготовленных студентов, которые по окончании вузов стали активными строителями нового, социалистического общества. Для того чтобы из рабфаковца получился квалифицированный специалист, требовалось 8-9, а то и 10 лет напряженной учебы - вначале на рабфаке, а затем в вузе, но это был кратчайший путь для рабоче-крестьянской молодежи к высшему образованию.

Рабочие факультеты: — это детище Великой Октябрьской социалистической революции. Нигде, ни в какой капиталистической стране не могли быть созданы учебные заведения, подобные рабфакам. С удивлением и любопытством смотрели зарубежные гости: на новые советские школы— учебные заведения, невиданные в мировой истории. Рабочие факультеты могли появиться только в Советской стране, правящая партия и правительство которой ставили своей целью дать все блага культуры тем, кто на протяжении веков был несправедливо их лишен.

¹ «Культурное строительство ССР». Статистический сборник. М.-Л., 1940. стр.9.

1. Баладина Л.Г. Рабфаки и пролетарская интеллигенция (из истории формирования технической интеллигенции Западной Сибири в 1920-1930г.г.), - Новосибирск: Наука, 1974.- С. 107-115
2. Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти 1917-1925.- Москва: высшая школа, 1990.142с.
3. Катунцева Н.М. Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции в СССР, М.: Издательство «Наука», 1966.- 195с.
4. Марченко Ю.Г. Очерки истории культурного развития рабочих Сибири, Новосибирск, 1977.-171с.
5. Интеллигенция и социалистическая культурная революция: Сб. науч. Тр. – Л.:ЛГПИ им. А.И. Герцена. – 1975. -168с.

ВЕЩЬ В СВЕТЕ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА (ИСТОРИГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Богомаз С.М. – аспирант

Алтайский государственный технический университет

Изучению материальной культуры посвящено большое количество литературы, в том числе многими исследователями был поднят вопрос о категории вещи и ее месте в обществе. Изучение указанного понятия может происходить на различных уровнях научного дискурса – историческом (археолого-этнографический комплекс материалов), филологическом (процесс имяназвания), социологическом (функционирование вещи в системе межличностных отношений), культурологическом (положение в культурном контексте) и др. В данной работе предполагается осветить культурологический аспект проблемы. Проанализировать весь объем литературы в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому исследование будет базироваться преимущественно на работах в рамках структурно-семиотического подхода.

Прежде всего, следует обратиться к определению вещи, данному в общих работах. В словаре Даля оно звучит следующим образом: «Вещь - нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевленная особь; в обширном смысле, все, что доступно чувствам» [8]. Приведенная дефиниция полностью абстрагирует вещь от культурного контекста и следуя ей возможно назвать вещью любой объект восприятия. В один синонимический ряд ставит вещь, объект и предмет один из представителей системного анализа А.И. Уемов [15]. Данный автор в своей работе «Вещи, свойства и отношения» представил подробный анализ вещи в контексте логического дискурса. Помимо детальной характеристики традиционного восприятия указанной категории, автором была предложена критика данной позиции в свете современной физики. На данном уровне происходит выделение вещи из всей пространственной протяженности. Вещь здесь выступает как замкнутая система, имеющая собственные границы и тем самым выделяемая из всего контекста. Однако на этом уровне изучения теряется понимание исследуемого понятия, как культурного концепта.

И.В. Ощепков конституирует вещь как *отдельный предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования* [11]. Автором дан глубокий историко-философский экскурс относительно понимания указанной дефиниции на протяжении философской мысли от древности до современного периода. Главным определяющим критерием вещи И.В. Ощепков выделяет качественные характеристики, как и А.И. Уемов.

В рамках французского направления структурно-семиотического подхода можно выделить следующих авторов, занимавшихся проблемами вещи Ж. Бодрийар и Р. Барт. Ж. Бодрийар в своей книге «Система вещей» сделал акцент на современную культуру потребления и в этом контексте дал характеристику вещи в современном обществе [6]. Здесь вещь представляется как набор функций, которыми пользуется человек в своем бытовом существовании, в следствии чего вещь становится все более абстрактной поскольку выбор этой функции лежит полностью на человеке, таким образом вещь лишается основной своей направленности; Вслед за Ж. Бодрийаром Р. Барт в статье «Семантика вещи» рассматривает вещь так же как продукт потребления [5]. Однако к такому выводу он приходит благодаря тому, что определяет вещь посредством ее назначения, согласно Р. Барту «вещь всегда чему-то служит». Автор определяет исследуемую дефиницию через две группы коннотаций: 1) экзистенциальные коннотации вещи, в данном случае она мыслится как постоянно ускользающая от нашего восприятия благодаря тому, что мы постоянно делаем упор на определенной функции или внешнем облике, 2) технологические коннотации. В этом случае вещь рассматривается как материал, которому придали форму, упорядоченность. Изучение вышеуказанной категории в современном контексте позволило осветить аспекты существования и

функционирования вещи остающихся незаметными в рамках исследования традиционной культуры.

Т.В. Цивьян в своей работе «К семантике и поэтике вещи (Несколько примеров из русской прозы XX века)» указала на две плоскости вещи – одну материальную, осязаемую органами чувств, другую неопределенную практически неуловимую, которая в своей метаморфозе через нечто переходит в ничто, являя собой предметы литературы и искусства, а следовательно в итоге текст [17].

Г. Кнабе в статье «Язык бытовых вещей» дает следующее определение: *«вещь – всегда образ, и ее образный элемент окрашивает все остальные ее свойства»* [9]. Л. Безмоздин в своей публикации «Культурно-социологический анализ вещи» представляет наиболее ёмкую дефиницию данной категории: *«вещь - ограниченный в пространстве и времени макрообъект, которому целенаправленной человеческой деятельностью придана определенная структурная организованность, внутренняя и внешняя форма. Вещь – это изготовленный человеком предмет, предназначенный удовлетворять те или иные человеческие потребности»* [7].

Д. Сегал в статье «Мир вещей и семиотика» рассматривает вещь, прежде всего как коммуникативный объект – все вещи нечто сообщают человеку, согласно данному автору вещь обязательно отражает свой историко-культурный контекст, обладает языком «своей» истории [14].

В. Аронов в своей статье «Вещь в искусствознании» рассуждает о дихотомии природы вещи, с одной стороны она мыслится материальным объектом, с другой вещь существует только в контексте культуры [1].

Д. Баранов в работе «Образы вещей (О некоторых принципах семантизации)» *«семантика вещи характеризуется ситуативностью, «перетеканием» смыслов и является результатом своего рода «встречи» реалии, обладающей первичными, природными свойствами, с той или иной знаковой системой»* [4].

О. Фрейденберг в книге «Поэтика сюжета и жанра» посвятила главу вещному миру в тексте, согласно ее определению *«Вещь как мертвая драма в неподвижном виде содержит в себе процессуальность образа о переходе из смерти в жизнь, — образа, который всегда может быть для нас транскрибирован в движение и действенность поступка или сюжета»* [16].

В.Н. Топоров в исследовании «Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина)» [12;13]. Данным автором был сделан глубокий анализ природы вещи в культурном контексте. В.Н. Топоров определяет вещь следующим образом: «вещь – творение, элемент тварного мира, и как таковая она не может не нести отпечаток своего творца - человека». Автором был сделан акцент на антропологический аспект вещи. Поскольку сотворение происходит в соответствии с метрикой человека. Тем самым происходит очеловечивание вещи. В.Н. Топоров указывает главным образом на культурный аспект изучаемого концепта, поскольку вне человека, вне культуры невозможно существование и функционирование вещи. Однако, автором остался нерассмотренным вопрос о вещи не сотворенной человеком, а взятой из природной среды. Здесь вхождение в культурный контекст производится посредством ритуала, а не технологии создания.

А.К. Байбурин в статьях «Семиотические аспекты функционирования вещей» и «О жизни вещей в народной культуре» сделал акцент на специфику создания и функционирования вещи в архаической культуре [2;3]. Авторам введено относительно изучаемой категории следующее понятие – семиотическая шкала, в соответствии с которой происходит распределение вещного мира – от бытовых предметов до культовых. Похожая идея была высказана у В.Н. Топорова, когда вещь наделяется помимо своих функциональных свойств и символическими, тем самым она подключается к духовной сфере общества и действует на различных уровнях бытия. В сложившемся контексте

можно говорить о вещи как таковой и о вещи как знаке. Причем она обладает возможностью перехода из одного статуса в другой исходя из контекста.

Е.С. Новик («Вещь-знак» и «вещь-жест»: к семиотической интерпретации фетишей) на основании предыдущих работ выделила такие разновидности вещи, как вещь-знак и вещь-жест. В данном случае исследователем был сделан акцент на культовые вещи, использование которых абстрагируется от их функционального назначения и полностью руководствуется символическим значением [10].

Следовательно, можно выделить ряд общих черт в исследовании вещи в рамках структурно-семиотического подхода. Во-первых, функционирование вещи в культуре как знака; во-вторых, зависимость ее смысловой нагрузки от контекста; в-третьих, двоичная природа вещи, подмеченная многими исследователями. Исследователями вещь воспринимается не только как отдельный материальный объект, но акцент делается на функционирование такового в контексте, она воспринимается на более высоком уровне как знак, текст, отражающий свой исторический период и самого человека. Изучение вещи в рамках структурно-семиотического подхода осуществляется на нескольких уровнях:

1. Синтаксический. Предполагает выделение объекта в культурном контексте, определение его места и взаимодействие с другими предметами.
2. Семантический. На данном уровне происходит реконструкция семантической нагрузки вещи, сопоставление функциональных особенностей объекта с конкретной ситуацией.
3. Прагматический. Статус вещи в системе социальных отношений.

В итоге под вещью в контексте исследования традиционной культуры понимается материальный объект, включенный в культурный контекст и функционирующий на различных уровнях человеческого существования как знак.

Список использованной литературы и источников:

1. Аронов В. Вещь в искусствоведении. // Декоративное искусство СССР, 1985, №11. – С. 22 – 23.
2. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей. // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сб. ст. / Наука – Л., 1989. – С. 63 – 101.
3. Байбурин А.К. О жизни вещей в традиционной культуре. // Живая старина, 1996, №3 – С. 2 – 3.
4. Баранов Д. Образы вещей (О некоторых принципах семантизации) // режим доступа: http://www.anthropologie.spb.ru/pdf/002/002_baranov.pdf.
5. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 512 с.
6. Бодрийар Ж. Система вещей. – М., Прогресс, 2000 – 270 с.
7. Безмоздин Л. Культурно-социологический анализ вещи. // Вопросы социологии искусства. Теоретические и методологические проблемы. – М., Наука, 1979. – С. 104 – 127.
8. Даль В. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка. – М., Белый город, 2006 – 448с.
9. Кнабе Г. Язык бытовых вещей. // Декоративное искусство СССР, 1985, №6. – С. 39 - 43.
10. Новик Е.С. "Вещь-знак" и "вещь-жест": к семиотической интерпретации фетишей. // Вестник РГГУ. Вып.2. М.: 1998. С.79-97.
11. Ощепков И.В. Вещь. // Режим доступа: <http://www.velikanov.ru/philosophy/vesch'.asp>

12. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // *Aequinox*. М., 1993, с. 70-94.
13. Топоров В.Н. Исследования по этнологии и семантике. Индоевропейские языки и индоевропеистика – М., Языки славянских культур, т.2, кн.2, 2006. – 728 с.
14. Сегал Д. Мир вещей и семиотика. // *Декоративное искусство СССР*, 1985, №6. – С. 38 - 41.
15. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., Из-во АН СССР, 1963. – 211 с.
16. Френденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М., Лабиринт, 1997. - 448 с.
17. Цивьян Т.В. К семантике и поэтике вещи (несколько примеров из русской прозы XX в.) // *Aequinox*. М., 1993 – С. 212 – 227.
18. Эпштейн М. Реалогия – наука о вещах. // *Декоративное искусство СССР*, 1985, №6. – С. 21 – 22.